

Ань Чанцин разгладил хмурые брови и мягко улыбнулся. Было ли происходящее реальностью или всего лишь несбыточным сном, ему следовало сделать первый шаг. Прежде он верил слухам, чем запер сам себя в клетке и предал Сяо Чжигэ. Теперь же ему хотелось попытаться узнать этого человека получше. В конце концов, никто не рождается жестоким монстром. Даже беспощадный, хладнокровный император, которым тот станет в будущем, в юности питал нежные чувства и способен был после пышной, утомительной брачной церемонии заботливо спросить у своего ванфэй, не голоден ли тот. Вот только все предпочитали замечать лишь плохое, не придавая значения таким незначительным мелочам — совсем как он сам в прошлой жизни.

— Не желаете сначала выпить брачный кубок? — с улыбкой спросил Ань Чанцин, глядя на него.

В глазах Сяо Чжигэ вновь мелькнуло изумление — похоже, он не ожидал от Ань Чанцина такого расположения. Мгновение помедлив, он взял два кубка с вином:

— Что ж, давай.

Скрестив руки, они одновременно испили брачные кубки, будто сошедшая со свитка пара верных уточек-мандаринок.

Осушив кубок, Сяо Чжигэ поднялся, собираясь выйти к гостям. Дойдя до дверей, он обернулся и произнес:

— В малой кухне приготовили сладости. Если проголодаешься, пошли кого-нибудь принести.

Не дожидаясь ответа Ань Чанцина, он развернулся и решительным шагом вышел из комнаты.

Ань Чанцин поглядел ему вслед. Осанка Сяо Чжигэ была исполнена стати и юношеской силы, словно у вечнозеленой сосны или кипариса — сколь же более живым и полным энергии он казался сейчас по сравнению с тем сумрачным, угасшим императором из прошлого.

Сяо Чжигэ ушел в передний двор принимать поздравления гостей, а Ань Чанцин остался один в свадебном покое. Судя по поведению Сяо Чжигэ, тот вовсе не относился к нему как к женщине только потому, что взял его в супруги. Поэтому Ань Чанцин решил не стеснять себя попусту: поднявшись, он слегка размялся, снял тяжелый свадебный венец и сбросил плотные брачные одежды. Избавившись от этой тяжести, он сразу почувствовал небывалую легкость. Накинув темно-бордовый халат, шитый золотом, и перевязав длинные волосы лентой на затылке, он позвал дежурившего за дверью Ань Фу и отправил его на малую кухню за угощением.

На малой кухне и впрямь нашлось множество разновидностей сладостей и пирожных. Утолив голод несколькими кусочками, Ань Чанцин принялся глубоко размышлять о своем нынешнем положении.

Сперва он думал, что всё это — лишь очередной призрачный сон, рожденный его собственным воображением.

После смерти его душа не развеялась, а осталась заточенной в бескрайнем императорском дворце. Он своими глазами видел, как поступки Сяо Чжигэ становились всё более жестокими и безудержными. За три года после его гибели Сяо Чжигэ развязал еще четыре или пять войн. Хотя ему удалось отбросить племена Бэйди в самую глубь степей и захватить половину городов Сицзяна, государство Да Е понесло чудовищные потери. Из-за непрекращающихся сражений

гибли люди, заброшенные поля прирастали бурьяном, а с приходом зимы тысячи людей умирали от голода. Лишенные пропитания крестьяне менялись детьми, чтобы выжить, — на земле царил настоящий ад.

Доведенный до отчаяния народ поднимал мятежи, и по всему Да Е вспыхивали бунты скитающихся беженцев. Бывший наследный принц Сяо Циань при поддержке двух великих генералов Чу Аньляна и Ши Лэчжэна поднял знамена под лозунгом «Убить тирана, вернуть мир!» и собрал двухсоттысячное войско мятежников, подступившее к стенам Ецзина. Позже эти события назвали битвой «Убийство дракона».

Та битва оказалась невообразимо жестокой. Сяо Чжигэ, прошедший в военных походах более десяти лет и владевший искусством войны в совершенстве, командовал пятидесятитысячной дворцовой гвардией Ецзина, противостоя двухсоттысячной армии мятежников.

Кровопролитное противостояние длилось почти месяц. Земля под стенами Ецзина была устлана трупами; горы костей выросли почти заподлицо с городскими стенами, и мятежные солдаты карабкались наверх прямо по мертвым телам своих товарищей. Сяо Чжигэ же стоял на стене в стальных доспехах с длинным копьём в руках, точь-и-точь сошедший на землю бог войны и смерти.

Спустя месяц ворота Ецзина распахнулись. Но вовсе не потому, что мятежники пробили оборону, — их открыл сам командующий дворцовой гвардией.

Бывший наследный принц в сопровождении двух великих генералов и бесчисленного войска вступил в императорский дворец. Перерыв всё вокруг, они лишь в отдаленном дворце Циу нашли лишившего себя жизни Сяо Чжигэ.

Прежний правитель восседал у окна во внутренних покоях дворца Циу. Он оборвал свою жизнь ударом острого кинжала.

Бывший наследный принц отрубил его голову и повесил ее над городскими воротами Ецзина, а обезглавленное тело бросил на безымянном кладбище на растерзание диким собакам. Для народа же он объявил, будто лично сразил тирана и исполняет волю Небес.

И только безучастно наблюдавший за всем Ань Чанцин знал правду: у Сяо Чжигэ с самого начала был план победы. Дворцовая гвардия состояла из отборных воинов, возвращенных им лично и преданных ему до конца. Войско же мятежников, хоть и насчитывало двести тысяч человек, представляло собой лишь неорганизованную толпу. К тому же сто пятьдесят тысяч из них уже погибли, а расправа над оставшимися пятьюдесятью тысячами была лишь вопросом времени.

Однако в ту ночь Сяо Чжигэ призвал командующего дворцовой гвардией и отдал свой последний приказ — открыть ворота Ецзина и сложить оружие.

После этого император всю ночь напролет просидел во дворце Циу, сжимая в руке нефритовый кулон, а на рассвете свел счеты с жизнью.

Никто не знал, о чем он думал перед смертью. И лишь Ань Чанцин смог уловить крошечный проблеск его тайны. Нефритовый кулон «Двойная рыба», который император сжимал в ладони до последнего вздоха, был подарком матери на его десятилетие. Ань Чанцин носил его с собой целых восемнадцать лет, и сняли его лишь после смерти. Ань Чанцин думал, что кулон похоронили вместе с его телом, и никак не ожидал найти его в руках Сяо Чжигэ.

Кулон не отправился вместе с ним в могилу, а остался крепко зажат в руке усопшего

императора. Небо стало им саваном, а земля — гробом, когда их вместе выбросили на безымянное кладбище. В тот миг Ань Чанцин не мог даже найти рогожу, чтобы прикрыть мертвеца. Ему оставалось лишь бессильно смотреть, как обезглавленное тело императора терзают стервятники и дикие собаки, пока от него не остался один лишь одинокий скелет. А нефритовый кулон «Двойная рыба», лишившийся плотского покрова, вывалился из белых костей и достался случайному нищему, проходившему мимо.

В тот день, глядя на пустую костлявую ладонь, Ань Чанцин внезапно заплакал. Его охватила такая сокрушительная, невыносимая боль, что разум погрузился в полный хаос. Когда же он очнулся от беспамятства, то обнаружил, что вернулся в суровую зиму пятнадцатого года Цинли — в день их с Сяо Чжигэ свадебного торжества.

Ань Чанцин опустил взгляд на свои руки, затем потрогал щеки. Ощущения были настолько осязаемыми и живыми, что всё происходящее совсем не походило на призрачный сон.

Возможно, Небеса и впрямь проявили милосердие: видя, как бессмысленно и слепо он прожил прошлое воплощение, упустив столь многое, они даровали ему шанс начать всё сначала.

Получив второй шанс, он ни за что не допустит прежних ошибок.

Пока он предавался размышлениям, у дверей раздался голос Ань Фу, затем поскрипывание открывающейся двери и тяжелые, размеренные шаги. Ань Чанцин повернул голову и увидел совсем еще молодого Сяо Чжигэ, уверенно шедшего к нему.

— Князь, — невольно улыбнулся Ань Чанцин и поднялся ему навстречу.

Подойдя ближе, Ань Чанцин почувствовал исходящий от него густой запах вина — должно быть, князь изрядно выпил. Протянув руку, чтобы поддержать его, он заметил, что Сяо Чжигэ выше его почти на целую голову, а телосложение у него мощное и крепкое — под пальцами ощущались твердые, как камень, мышцы.

К счастью, невзирая на выпитое, разум Сяо Чжигэ оставался ясным. Он спокойно позволил подвести себя к кровати и усадить на край.

Устроив его, Ань Чанцин вместе с Ань Фу отправился на малую кухню приготовить отрезвляющий отвар. Вернувшись, он обнаружил, что Сяо Чжигэ пристально смотрит на него упорным, нечитаемым взглядом. Лицо его было суровым и мрачным, а слегка сдвинутые брови придавали чертам опасную жесткость.

Сердце Ань Чанцина на миг сжалось от подсознательного страха. Но тут же в памяти всплыла нежность, с которой этот человек обнимал его и успокаивал раз за разом, и натянутые нервы расслабились.

Медленно выдохнув, Ань Чанцин присел рядом и, протягивая пиалу, с улыбкой спросил:

— Князь, выпьете немного отрезвляющего отвара?

Взгляд Сяо Чжигэ переместился на изящные белые пальцы, держащие фарфоровую пиалу, и его зрачки слегка дрогнули. Руки Ань Чанцина были невероятно красивы: тонкие, белоснежные пальцы напоминали очищенные побеги лука, плавно сужаясь к аккуратно подстриженным, чистым ногтям, которые отливали нежно-розовым в колеблющемся свете свечей.

Кадык Сяо Чжигэ дернулся. Не произнес ни слова, он взял пиалу и осушил отвар.

Поставив пустую пиалу в сторону, он умолк, и атмосфера снова стала напряженной. Сяо Чжигэ сам по себе отличался молчаливостью, а Ань Чанцин нервничал из-за предстоящей брачной ночи.

В прошлой жизни они с Сяо Чжигэ так и не разделили ложе.

Тогда его душу переполнял лишь ужас. Одно лишь суровое и хмурое лицо Сяо Чжигэ пугало его до такой степени, что чудо, как он не расплакался. Даже брачные кубки они пили так: один — в священном трепете и страхе, второй — с каменным выражением лица. Позже Сяо Чжигэ, по-видимому, заметил его испуг и, ничего не сказав, ушел спать в кабинет. С тех пор он так и ночевал в кабинете, а Ань Чанцин тогда долго радовался тому, что избежал этой участи.

Вот только в этой жизни нельзя повторить прежний путь.

О том, как это происходит между двумя мужчинами, он немного знал. Ань Чанцин утешал себя мыслью, что если подготовиться как следует, то болезненных ощущений быть не должно. К тому же молве верить нельзя — в этом он убедился еще в прошлой жизни. В постели Сяо Чжигэ вряд ли окажется столь свирепым, как о нем говорят... правда ведь?

Щеки Ань Чанцина вспыхнули румянцем, и он украдкой коснулся взглядом изголовья кровати. Там и впрямь стояли две изящные фарфоровые баночки — снадобья для этого самого дела.

<http://bllate.org/book/18381/1767585>